

Глава 25. Повышение квалификации (1965-68)

Первый год работы в должности проректора оказался для меня непростым: недостаточное знание инструктивных документов и общей обстановки в институте, новый непривычный для меня характер взаимоотношений с коллективом, необходимость выступать на всевозможных совещаниях, отстаивая интересы института, участвовать в разборе конфликтных ситуаций, выслушивать критические замечания в свой адрес. Много недопониманий и взаимного непонимания возникало в моих отношениях с партийным бюро. После директивных указаний ЦК, требовавших партийного контроля над всеми сферами идеологической и производственной деятельности, секретари партийной организации нашего института, а ими попеременно были преподаватели кафедры общественных наук Полушин и Воронков, стали систематически вмешиваться, часто недостаточно компетентно, в учебные и особенно кадровые вопросы. При этом когда рассматривался вопрос о приеме в штат института нового преподавателя, их неизменно интересовал вопрос, не является ли претендент на замещение вакантной должности «французом». Когда впервые такой вопрос возник при мне, я сначала не понял о чем идет речь, а, поняв, возмутился и предложил в таком случае изъять все учебники, написанные авторами с неподходящими фамилиями. Не знаю, исходило ли соответствующее указание с самого верха, или было местной инициативой, но национальный вопрос почему-то очень волновал наших партийных руководителей. Когда я об этом спросил Полушина, он сухим казенным голосом сказал:

- В среде интеллигенции людей с такими фамилиями непропорционально много. Но не подумайте, что я антисемит. Учет этого обстоятельства требует объективная реальность.

Не просто было и Зинаиде Васильевне. То, что на первых порах было её силой, – не включенность ни в одну группировку, стало слабостью. Каждая группа, используя неопытность, недостаточную решительность и твердость в вопросах управления, пыталась втянуть Стефанскую в сферу своих интересов. К концу пятилетнего срока пребывания на посту ректора института она признавалась, что если бы смогла предвидеть всё, что сейчас происходит, то никогда не согласилась бы занять этот пост. Мечтала о докторской диссертации, и планировала по окончании срока уйти в докторантуру. Должность ректора не вскружила ей голову, она одинаково относилась ко всем членами коллектива, будь то сто-

рож или секретарь партийного бюро института. Не сменила и компанию, с которой обычно ходила в лес за ягодой и грибами.

В один из таких грибных походов Нина, Лилия Александровна и Зинаида Васильевна, отколовшись от остальных грибников, забрели в запретную зону скрытого в лесу ракетного полигона. Их задержали и под конвоем отправили в штаб воинской части “Полюс”. Там какой-то капитан долго выяснял их личности и цель, с которой они проникли в запретную зону. Выручил их начальник Енисейского КГБ, с которым Зинаида Васильевна была знакома лично. Я о случившемся событии узнал только вечером. Нина, напуганная и притихшая, ещё долго ожидала продолжения. По её мнению, ей, отсидевшей по статье 58-1Б, запросто могли приписать шпионаж. К счастью, всё обошлось.

К концу учебного года я основательно вымотался, а впереди был тяжелый год. К тому же и Валерик перешел в 10 класс, и надо было всерьёз подумать о его будущем. Судя по складу ума и интересам, ему следовало идти в вуз, где математика является основным учебным предметом. В то же время равнодушное отношение к технике исключало технические вузы. Из существовавших в то время в Красноярском крае вузов, лучше всего этим условиям отвечали математические факультеты педагогических институтов. В наш институт Валера поступать не хотел, хотел в Красноярск. Мы с ним согласились, тем более, что в учебном плане нашего физико-математического факультета слишком много часов отводилось изучению физики. То, что ему придется жить и учиться в отрыве от семьи, нас не очень беспокоило, ибо был Валера достаточно самостоятельным молодым человеком, учился, не прибегая к моей помощи, не курил, не увлекался спиртными напитками. К тому же, теперь в Красноярске у нас в лице Горстов были люди, которые могли при необходимости помочь ему. Ромочка, перешел в пятый класс и учился в сорок пятой школе. Головные боли по-прежнему сильно беспокоили его, и это мешало учебе. С Наташей справлялась Нина.

Учитывая трудности прошедшего учебного года и не меньшие, которые ожидали меня в следующем учебном году, Нина проявила активность, в результате которой летом 1965 года я с Игорем Водиновым по туристической путёвке поехал в Литву. Начинался наш маршрут в маленьком чистеньком и ухоженном посёлке Игнолина. Здесь у Игнолининских озёр мы прожили в больших стационарных палатках около четырёх дней, в течение которых туристов, не имеющих навыков плавания на вёсельных лод-

ках, обучали гребле. Мы с Игорем, владевшие этим искусством, тем временем бродили по живописным окрестностям Игнолины.

В назначенный день нас распределили по лодкам: один мужчина и три женщины, походная палатка, четыре спальных мешка, четыре миски, четыре кружки и четыре ложки. Провиант везли отдельно. Плыть предстояло семь дней по цепи живописных озёр, соединённых протоками, иногда настолько узкими, что, проталкивая лодки, мы вынуждены были выходить на берег.

Отплывали беспорядочной группой, напоминающей цыганский табор. Для большинства эта поездка на лодке была первой. Они неумело колотили по воде вёслами, с ног до головы обрызгивая соседей. Визг, крики. Сидящие на корме женщины рулили, куда попало. Лодки ударялись бортами, их растаскивали. Впереди лодок пять, в том числе моя и лодка Водинова. Гребцы на трех остальных нам незнакомы, но по всему было видно, что за вёслами они не новички. Мои спутницы – женщины, никогда не бравшиеся за вёсла. У Игоря ситуация аналогичная. Первые минуты мы с ним соревновались, с переменным успехом, но вскоре я начал выдыхаться, чувствовалась лучшая физическая подготовка Игоря. Всё-таки он заядлый рыбак, хотя, как правило, ездил на моторках. От неизбежного проигрыша меня выручила инструктор. В свой мегафон она потребовала, чтобы мы не отрывались от основной группы.

Через три часа привал. Новички, растирая ладони, рассматривали свои кровавые мозоли. У нас с Игорем с руками всё в порядке. Развели костёр, принесли воду. Женщины приготовили обед. Вторая часть отведённого на этот день пути, далась труднее – ныли мышцы. Все быстро устали.

Выгрузились на берег. Женщины стали готовить ужин. Мужчины – ставить палатки. С завистью наблюдал за Игорем. Он, как истый таёжник, справлялся с задачей мастерски. Я учился. Опыта приобретенного в Лермонтово было явно недостаточно. Но всё-таки с задачей справился удовлетворительно. На очереди проблема, как расположиться на ночь. Я и три сравнительно молодые женщины. Сначала надеялся, что инструкторша направит мужчин в одни палатки, а женщин в другие. Но она молчала. Не проявили такую инициативу и женщины. Советуюсь с Игорем, он с недоумением смотрит на меня, а потом начинает хохотать. Обиженный его смехом я удалился. Решил лечь снаружи, объяснив тем, что в палатке душно. Но быстро надвигающаяся темнота, сырость и, главное комары, заставили изменить решение. Устро-

ил свой спальный мешок с краю и попытался как можно быстрее заснуть. В соседних палатках кто-то играл на гитаре, кто-то пел. Мои «попутчицы» шептались, хихикали. С трудом, но заснул, боясь захрапеть. Среди ночи проснулся и долго ломал голову, как выйти. Помог опыт, приобретенный в Енисейске, и я ловко, ни на кого не наступив, выбрался наружу. В стороне от нашего палаточного городка костёр. Около него наша инструкторша. Рядом два черноволосых молодых литовца. Они о чём-то оживлённо беседовали, как я понял на своём родном литовском языке, но при виде меня замолчали. Игорь еще до приезда в Игнолину предупреждал, что литовцы не очень любят русских.

Утром, поёживаясь в сыром тумане, разожгли потухший костёр, собрали палатки и, позавтракав, продолжили путь. Из всей нашей компании с первого дня меня заинтересовала одна лодка, вернее одна пара в этой лодке. Он за вёслами, она за рулём. Они всё время упрекали друг друга. Она его за то, что не умеет грести и их лодку всё время разворачивает влево, он её за то, что она не умеет рулить. Она была красива, в восточном стиле. По утрам я исподволь любовался тем, как стоя у своей палатки, она расчёсывала свои шикарные, чёрные как смоль блестящие волосы. Меня покорила грациозность её движений и мягкость гортанного голоса. Мои спутницы, быстро, по-женски разгадав мои чувства, с явным удовольствием сообщили, что незнакомку зовут Нелей и является она законной супругой того самого занудливого типа, который на вёслах и постоянно её ругает.

Вскоре мы подружились. Были Пантины чудесными людьми. Игорь, которого в отличие от Игоря Водинова, по расцветке рубашки, я стал называть Игорем Клетчатым, был доцентом какого-то Московского вуза, кандидатом философских наук. Неля Суреновна – психологом, кандидатом педагогических наук, старшим научным сотрудником лаборатории Шедравицкого. Теперь все вечера, как когда-то с Юрой, мы проводили в спорах о судьбах нашего образования и страны.

Через семь дней, проплыв по замкнутому кольцу озёр, мы возвращались в пункт отправления. Возвращались аккуратным лодочным строем, под марш расположившегося на берегу оркестра. Потом несколько дней в Вильнюсе, бывшем Вильно, где я бродил по узеньким улочкам старого города, думая о том, что, возможно по ним в свои детские годы ходила моя мамочка. Потом был Тракай, с его мрачным средневековым замком. Катание на лодках, игры в шахматы. И, наконец, Паланга, где мы в шикарном

двухместном номере прожили с Игорем последнюю неделю нашего туристического маршрута. Места необычайной красоты. Величественные сосны, зелень, песок, чистота и тишина, нарушаемая только криками чаек. Отдохнул я великолепно и полный впечатлений вернулся в Енисейск.

В 1966 году Валера окончил школу. Юра Горст посоветовал ему попробовать поступить в недавно открывшийся в Красноярске филиал Новосибирского университета на математический факультет. Вступительные экзамены, как и в самом Новосибирском университете, проводились раньше чем в остальных вузах страны, и Валера вскоре после окончания школы поехал в Красноярск. Жил у Горстов. На экзаменах набрал 13 баллов, которые оказались проходными. Вместе с ним на первый курс были зачислены Саша Куприков и Борис Дураков, тоже окончившие сорок пятую школу Енисейска, но учившиеся в параллельном с ним классе.

Теперь надо было думать об устройстве его на квартиру. Нельзя же было злоупотреблять гостеприимством Горстов. Угол нашли через мою бывшую студентку в районе улицы Metallургов. Конечно, очень далеко, но зато приятная и очень чистоплотная хозяйка. В группе, в которой учился Валера, училось много талантливых ребят, среди которых особо выделялись Шамиль Даутов и Коля Подуфалов. На первом курсе лекции по алгебре и аналитической геометрии читали им такие опытные преподаватели, как Виктор Михайлович Бусаркин и Николай Васильевич Лойко, что определяло их высокий теоретический уровень и жёсткие требования к знаниям. Я понимал, что в этих условиях удержаться в вузе будет труднее, чем в него поступить, и очень переживал ибо, находясь в Енисейске, мало чем мог ему помочь. Вся надежда была на Валерину серьезность и самостоятельность.

Естественно, что в тот первый год пребывания Валеры в Красноярске о поездке на море не могло быть и речи. Однако Нина была на пределе. Её мучили головные боли, субфебрильная температура, печень. С трудом удалось достать путёвку в дом отдыха «Кабардинка», расположенный на черноморском побережье недалеко от Геленджика. Как рассказывала потом Нина, для неё это был первый настоящий отдых. Отдых без необходимости три раза в день готовить, кормить, мыть посуду, стирать и следить, чтобы кто-нибудь из детей не заплыл далеко от берега. Теперь в «Кабардинке» утром и вечером, когда было не так жарко, она загорала на пляже, по вечерам посещала концерты, ходила на тан-

цы, гуляла вдоль побережья, участвовала в экскурсиях, розыгрышах.

- А твоя телеграмма: «Высылаю триста, отдыхай, развлекайся», - вдруг вспомнила она, – принесли её без меня, и женщины, прочтя, всё допытывались, какие развлечения ты имел в виду.

Встречал я Нину в Красноярске и сразу же отвёз на квартиру к Горстам. Сами хозяева в это время отдыхали в Крыму. Приехала Нина неузнаваемая: отдохнувшая, посвежевшая, помолодевшая. Три дня, проведённые у Горстов, пролетели, как один миг. Мы даже не готовили, предпочитая питаться всухомятку.

В октябре 1966 года из Москвы пришла телеграмма. В ней говорилось, что для решения вопроса о присвоении мне звания доцента необходимо представить в ВАК три мои книжки, опубликованные в центральной печати. До указанного срока оставалось всего два дня. Выручили Пантины, которым я в одну из своих поездок в Москву подарил эти книжки. Их с моими дарственными надписями они и отнесли в ВАК.

Присвоение звания доцента с одной стороны, укрепило моё положение в институте, а с другой улучшило наше материальное положение. Совмещая административную должность с преподавательской работой, разумеется, в пределах допустимых 220 часов, я зарабатывал, с учётом северных надбавок, более пятисот рублей в месяц.

В присвоении мне звания доцента был ещё один плюс: я приобретал право лечиться во второй краевой больнице, расположенной в самом центре Красноярска, недалеко от речного вокзала. Эту больницу в народе называли «лечкомиссией». В ней лечились ответственные партийные и советские работники, а так же остепенённые работники вузов. Все больные, лечившиеся в лечкомиссии, делились на три категории. К первой относились секретари краевых, городских и районных комитетов партии, председатели исполкомов, доктора наук. Их обслуживали по высшему разряду: выделяли отдельные палаты с телевизорами, холодильниками и телефонами. Обслуживались лечкомиссией и взрослые члены их семей.

Ко второй категории относились ответственные работники рангом пониже. Из вузовских работников – заведующие кафедрами, если у них была учёная степень. Условия обслуживания менее комфортные. Из членов их семей в лечкомиссии могли лечиться только жёны или мужья.

К третьей категории из числа вузовских работников – все имеющие кандидатскую степень.

В целом система была довольно запутанной и часто определялась личными отношениями. В крайком партии был специальный отдел, в котором определялось, кто и по какому разряду мог обслуживаться лечкомиссией, и выдавались соответствующие удостоверения. Каждые пять лет все прикрепленные к лечкомиссии проходили перерегистрацию. Я, как проректор, имеющий звание доцента, но не имеющий учёной степени кандидата наук имел третью категорию, т.е. мог лечиться только сам. На Нину это право не распространялось. Зинаиде Васильевне стоило больших усилий, чтобы Нину положили на обследование. Пролежала она месяц и выписалась с диагнозом: тяжёлая форма неврастении, арахноидит, остеохондроз, стенокардия. В личной беседе со мной лечащий врач сказала, что состояние хотя и тяжёлое, «особенно для окружающих», но для Нины не опасное. Наши поездки к морю одобрила, но посоветовала не увлекаться солнцем.

Поездками на юг и солнцем мы, конечно, злоупотребляли и были вынуждены ограничивать себя в бытовых вопросах и одежде, но я, вспоминая своё детство, хотел, что бы и моим детям было, что вспомнить в старости. Кроме того, я был уверен и до сих пор не изменил своего мнения: детям в молодости нужны не столько жиры и мясо, сколько фрукты, овощи, солнце и яркие впечатления. И всё это желательно поближе к морю. К сожалению, семейным поездкам стала мешать новая должность. Теперь летние отпуска приходилось чередовать с ректором, тем более, что были они на полмесяца длиннее, чем на «материке». В этих случаях приходилось иногда брать денежную компенсацию.

Очередную поездку на юг мы предприняли в 1967 году. Ехали вчетвером: Я, Нина, Рома и Наташа. Валерик со своими друзьями и сокурсниками – Куприковым, Павловым, Дураковым и его сестрой, выехали в один день с нами, но не в Ростов, а в Сочи. Пока наши поезда шли по транссибирской магистрали, мы несколько раз встречались на больших станциях, Только после Омска наши дороги разошлись.

Наш маршрут обычный: Москва, Ростов, Краснодар, Горячий Ключ, Джубга. В Горячем Ключе к нам присоединилась Ольга. К морю ехали через перевал по строящемуся стратегическому шоссе Краснодар – Джубга. Недостроенным оказался небольшой, но самый трудный участок, в самой высокой точке перевала, протя-

жённостью около двух километров. Преодолевали его пешком. Старенькая «Победа», на которой мы ехали, пробиралась далеко внизу, по старой, совершенно разбитой дороге.

Походив по Джубге, решили, что пляж в Лермонтово лучше и, проехав ещё четыре километра, остановились около обжитого нами куста ежевики. Возвращались домой через Туапсе и Сочи. В Сочи заходили на квартиру, в которой остановился Валера с друзьями. Их дома не оказалось, но на кухне «стояли» пропитанные солью Валерины джинсы. Возвращаясь, Рома с Наташей впервые увидели туннели, по которым я столько раз проезжал в своем детстве. Я радовался вместе с ними.

Осенью шестьдесят восьмого мне предстояло ехать в Москву на факультет повышения квалификации (ФПК) при МГПИ им. В.И. Ленина. Извещение, подписанное профессором Левиным, который был деканом этого факультета, пришло ещё весной и все дома, не исключая меня заранее переживали предстоящую четырёхмесячную разлуку.

Несмотря на это, а, возможно именно из-за этого, мы снова отправились на юг. Я, Нина, Валера, Рома, Наташа. Маршрут прежний. Москва, Ростов, Горячий Ключ, Джубга, Лермонтово. На этот раз едем через перевал, шоссе достроено и сдано в эксплуатацию. С нами Мусина хорошая знакомая из Ростова с внуком. Хлопот добавилось. Потом приехала Зинаида Михайловна Патюкова, доцент кафедры физики Енисейского педагогического института с дочерью Галей, Валериной одноклассницей и сыном Серёжей. Жили, как и прежде, в палатках на пляже недалеко от приглянувшегося нам куста ежевики. В отличие от прежних лет, по-видимому, из-за открытия трассы, на пляже полно народа. Крану с водой очередь, к туалетам очередь, в столовую очередь. Но детям весело, купаются, играют в волейбол, ходят в горы, а вечером в открытый кинотеатр. Мне же с Ниной и Зинаиде Михайловне было не до отдыха. Керогаз не выключался. Посуды не хватало. Мыть её приходилось на Шапсуге, речке, впадавшей в бухту в полукилометре от нас. В первый же день выяснилось, что мы забыли ложки. Купить их было негде. Валера предложил сходить пообедать в столовую и прихватить с собой по ложке. Этому воспротивилась моя совесть, не столько партийная, в то время процветали «несуны» всех уровней, сколько элементарная христианская, вдолбленная в меня родителями.

Собрав всю детскую компанию и оставив её у дверей, захожу в столовую и, обращаясь к официантке, спрашиваю:

- Девушка, можно у вас купить несколько ложек?

- Да Вы что, конечно нельзя, – отвечает она, не задумываясь.

- Понимаете, со мной толпа ребятишек, вон, стоят за дверью, и ни одной ложки, забыли при сборах, – пытаюсь разжалобить строгую официантку. Потом, желая придать просьбе юмористический оттенок, добавляю:

- На всю компанию одна ложка с дырочками, дуршлаг или как её ещё называют.

- Да, дуршлаг, – смеётся она, – Как же вы так опростоволосились? Мне Вас жаль, особенно детей, но продавать инвентарь, мы не имеем права.

- Но, как же нам быть, подскажите? – прошу я.

- Украдите, – шепчет она, наклонившись над столиком.

- Украсть? – то же шёпотом переспрашиваю я, – а как же совесть?

- Ну что же здесь такого. Мы каждый день недосчитываемся десятка ложек.

Ничего не оставалось делать, как реализовывать Валерину идею.

Пару раз ходили в лес, расположенный на окружающих бухту горах. И там, к своему удивлению за короткий срок набрали целое ведро подбёрезовиков и белых грибов. На сохранившейся с той поры фотографии Нина с Зинаидой Михайловной у палатки. Перед ними куча грибов. Местные жители удивлялись, как это мы решились ходить по лесу:

- Ведь там полно гадюк, – утверждали они.

Несмотря на такое предостережение, мы совершили ещё один поход в лес.

Помню, как в одну из ночей поднялась буря. Палатку, которую устанавливал Валера с Серёжей и Галкой, снесло первыми же порывами ветра, и вся промокшая компания устремилась в нашу палатку. В тесноте они прикасались спинами к брезенту, и в этих местах палатка начинала протекать. Холодные струйки дождя лились на наши тела. В довершении ко всему, дующий с моря ветер заилил устье Шапсуги, и речная вода устремилась по пляжу. Поднялись крики, визг, детский плач. Заурчали моторы машин. Освещаемые вспышками молний и сопровождаемые раскатами грома, отдыхающие снимались с насиженных мест, и выезжали на трассу. До нас вода не дошла и мы, продежурив по очереди всю ночь, благополучно дождались утра. Утром серый рассвет осветил разгромленный пляж. Справа от нас ни одной палатки. Слева

одиноким маячили три. По берегу разбросанные мусор, коряги и целые стволы. В палатке кучей, прижавшись друг к другу, и, натянув на себя всё, что оказалось под рукой, спала молодёжь.

К обеду погода наладилась. Море успокоилось. Солнце сияло, как ни в чём не бывало, насмехаясь над нашими проблемами. Постепенно вернулись отдыхающие, кто на машинах, кто пешком.

Лермонтово. Мы после похода за грибами.

Поставили палатки на прежние места. Свою снесённую ветром палатку поставил и Валера, укрепив её вбитыми в песок кольями.

Через несколько дней, 22 августа московское радио, сообщило о вводе в Чехословакию объединённых сил Варшавского договора. Для тех, кто следил за последними событиями в этой стране, такой оборот дела не стал большой неожиданностью.

Судя по разговорам отдыхающих, подавляющее большинство из них одобряли действия нашего правительства. Одобряла его и Зинаида Михайловна. Мне очень хотелось послушать сообщения «Би-би-си» или «Голоса Америки», но «глушилки» работали на полную мощность, и мне так и не удалось найти место в окрестностях Лермонтово, где бы можно было разобрать хотя бы одно слово из сообщений, передаваемых этими станциями.

Вскоре уехали Патюковы. Учитывая, что домой Нина с детьми должна была ехать без меня, решил отправить их не через Москву, а прямым поездом, который следовал по южной ветке из Сочи. Привычной теперь системы предварительной продажи билетов тогда не существовало и мне пришлось ехать за билетами в Со-

чи. Заняв с раннего утра казалось бесконечную и очень бестолковую из-за частых перебросок от одной кассы к другой очередь, лишь на четвёртые сутки смог приобрести билеты и то только в плацкартный вагон. Совершенно вымотанный, но счастливый, с билетами на руках, вернулся я в Лермонтово. Ольги, приезда которой мы ждали, так и не было. Через три дня Нину и детей повёз в Сочи. Палатку и спальные принадлежности оставили на попечение соседей, попросив, в случае, если явится Ольга, сказать, что я вернусь из Сочи к вечеру.

- Пусть располагается в палатке и ждёт, – сказала Нина.

Поезд, на который я посадил Нину и ребятишек, производил жалкое впечатление. Грязные вагоны, разбитые окна, полупьяные проводники. По словам Нины, это была ужасная поездка. Вагон переполнен, все проходы заставлены ящиками, тюками, корзинами. Грязь невероятная, постельного белья нет, кипятка то же, проводники грубят. Много забот, особенно на перегоне от Сочи до Туапсе, доставлял Валерик. Во время длительных стоянок в ожидании встречного поезда он спускался по железнодорожному откосу к морю и купался. А Нина и ребятишки нервничали.

Вернувшись в Лермонтово, я ещё издали увидел Ольгу. Она стояла у нашей палатки и о чём-то разговаривала с соседкой. Стройная фигурка, красное ситцевое платье в клеточку, пучок за-

Ольга Бутенко

тянутых в узел волнистых волос. Смутное волнение охватило меня. Вот так, совсем наедине, мы с Олей оставались впервые.

Нина и Оля были очень близкими подругами. Нина то и дело твердила мне одному и в присутствии Ольги, что если она умрёт (это её предположение, естественно, вызывало у нас протест), то жениться я должен только на Ольге и ни на ком другом. И хотя и внешне, и по своему духовному складу они были совершенно разными, а иногда и просто противоположными, я воспринимал Ольгу как естественное продолжение

Нины. Более того, с ней я мог говорить о вещах, о которых никогда не говорил с Ниной. При обсуждении наших семейных проблем Ольга неизменно вставала на сторону Нины и часто ругала меня, как нашкодившего мальчишку. У неё был типично русский

овал лица, красивые серые глаза и крепкие, сверкающие белизной зубы. Общее приятное впечатление несколько портило не совсем правильное расположение верхних зубов, из-за чего она всегда плотно сжимала губы, а улыбка выглядела жалкой и натянутой. Из-за этого Ольга в отличие от Нины смеялась очень редко, а если и смеялась, то прикрывала рот рукой и делала это, как мне казалось, совершенно напрасно. За многие годы нашего знакомства мне несколько раз приходилось видеть её открытый смех, и это было гораздо приятнее, чем смеющиеся глаза и плотно сжатые губы.

Одевалась Ольга со вкусом, обшивая не только себя, но и всех своих подруг и знакомых, в том числе и Нину. В её отношении к Нине не было никакой фальши, никакой игры, тайной зависти, которые часто можно наблюдать в отношениях между подругами.

В первый период нашего знакомства в лагере, когда пересеклись наши с Давидом пути, она была против меня, считая моё отношение к Нине несерьёзным, возможно из-за Нели Сороки и Нинель Маниковской. Со временем, как мне казалось, эта враждебность прошла, но, ворчливо-назидательный тон сохранился, и это определяло неизменную дистанцию между нами.

При всём том была Ольга очень больным человеком. После падения в открытый люк прокатного стана у неё болел позвоночник. Когда начинались сумерки, её качало из стороны в сторону, и без посторонней помощи она не могла пройти и двух шагов. Так же кидало и швыряло её в море, из-за чего купаясь, она постоянно висла на ком-нибудь из сопровождавших её людей. В такие минуты я проявлял, возможно, несколько избыточное усердие. Однако, встречая Олин осуждающий взгляд, быстро остывал. И всё же её особые отношения не только к Нине, но и ко всей нашей семье, её участливое обсуждение самых интимных сторон наших с Ниной отношений, рождало во мне некоторые смутные надежды. Её, как я надеялся, напускная враждебность и ироничность, придавала этим надеждам горьковатый привкус. И хотя Нина по моим представлениям и внешне и внутренне была интереснее Ольги, в последней была для меня некая тайна, что-то упорно противостоящее мне, из-за чего меня постоянно тянуло к ней. Хотелось преодолеть это упорство, услышать от неё ласковые слова, а возможно даже признание в чувстве ко мне. Должен признаться, что Ольга решительно пресекала мои, и без того робкие поползновения в этом направлении. Я же этот её отпор вос-

принимал даже с некоторым облегчением и благодарностью, понимая, каким угрызениям совести подверг бы себя в противном случае.

Замечала ли Нина моё особое отношение к Ольге? Думаю, что замечала и многое понимала. Обычно очень ревнивая, замечавшая каждый мой неосторожно брошенный взгляд в сторону хорошенькой женщины, она, в случае с Ольгой, по крайней мере, внешне, ничем не выдавала своих чувств. Более того, в тех, правда редких случаях, когда в палатке нам приходилось спать втроём, ложилась так, что я оказывался между ними. Какие чувства испытывала при этом Нина, я не знаю, но думаю, что было здесь нечто похожее на то, что заставило меня в своё время разыскать и привести в наш дом Давида. Полагаю, что её просьба не ехать в Москву, а остаться на несколько дней на море с Ольгой, имела ту же основу.

И вот мы одни. Последние дни августа. На пляже заметно поубавилось. Большинство уехало к началу занятий. Осталось всего десятка два палаток. Солнце, как будто бы не замечая их отъезда, продолжает нещадно палить. Море по-прежнему лучезарно, а пляжный песок раскалён как на жаровне. Я загорелый, свободный и немного самоуверенный, ухаживаю за Ольгой: готовлю, кормлю, вожу купаться в море. Соседи с неодобрением посматривают в нашу сторону. Но мне не до них. С замиранием думаю о предстоящей ночи. Пока ещё ничего определённого. Просто ночь вдвоём. Чёрное звёздное небо, шорох накатывающихся на берег волн, шарящий луч прожектора, пустой, ничего не значащий разговор. Может быть лёгкое прикосновение рук, поцелуй. Это всё, это предел. Дальше мрак и темнота, дальше предательство. И всё же сладкая дрожь охватывает меня.

Багровеющий закат отражается в накатывающихся на берег волнах. Палатка. Ольга, как всегда, аккуратно разглаживая каждую складочку и выискивая затерявшиеся песчинки, стелет две постели, стелет на максимально возможном расстоянии друг от друга. Бросаемые ею фразы сухи и официальные, как будто бы отдаёт приказы. Всем своим видом даёт понять, что никакого, даже самого лёгкого флирта не будет.

Лежу, вжимаясь в брезентовую стену палатки. Настроение плохое, думаю, чтобы такое обидное сказать Ольге. Наконец, начинаю с вопроса:

- Ну и что означает этот демарш. Ты что же думаешь, я буду приставать к тебе?

Ольга невинным голосом:

- Да ты что, Роберт, какой ещё демарш и вообще, что означает это слово – «демарш»?

- Не притворяйся. Ты прекрасно знаешь, что означает это слово, и что я имел в виду?

- И что же ты имел в виду, – продолжая строить из себя дурачку, продолжает Ольга.

- Чего это ты постелила в разных углах, палатка нависает, и дышать нечем, а сама легла почти на голый пол?

- Я думала, так лучше, не так жарко, – продолжает начатую игру Ольга.

- Нина всегда стелила посередине, и никогда нам не было жарко, – запальчиво возразил я.

- Так вы же любите друг друга.

- А ты, всё ещё ненавидишь меня? – Вопрос повис в темной и действительно душной глубине палатки.

После длинной многозначительной паузы Оля ответила:

- О своих чувствах к тебе и твоих ко мне я говорить не буду. Но Нина самый близкий мне человек, ни к одной из сестёр и даже к своей матери не питаю я таких чувств, как к Нине и никогда её не предаю. Давай будем спать.

Не знаю, уснула ли она в ту ночь, но я долго не мог уснуть, осмысливая наш ночной разговор. Я знаю, многие меня осудят. Мужчины за немужское поведение, женщины – за попытку изменить Нине. Я же уверял себя, что мне нужна была не столько физическая близость, сколько чувство, вернее даже признание в нём. Но зачем? Случись это, всё изменилось бы. Я полностью разделял мнение Экзюпери, написавшего в «Маленьком принце»: «Мы в ответе за тех, кого приручили». На какие муки обрёл бы я себя, случись непоправимое. Даже оттого, что дал понять Ольге о своём желании, чувствовал себя отвратительно, как будто бы совершил грязный, нечестный поступок и утром долго притворялся спящим, чтобы оттянуть разговор.

Но у Ольги хватило такта, не возвращаться к происшедшему, и оставшихся два дня наши отношения были, хотя и подчёркнуто дружественными, но отстранёнными. На третий день, собрав палатку, мы через Горячий Ключ выехали автобусом до Краснодара, откуда Ольга поездом уехала к себе в Ростов, а я самолётом в Москву на ФПК.

Бронзовый от загара, подтянутый, полный сил и радужных планов, летел я в Москву. Впереди было четыре месяца, свобод-

ных от домашних проблем, четыре месяца, которые я собирался посвятить работе над диссертацией. Как ни странно, но мысли о доме, детях, Нине, обычно донимавших меня в каждой командировке, теперь не очень мучили меня. Гораздо больше беспокоила мысль об Ольге. Как мог я так распусться, изменить основным своим принципам, никогда не проявлять открыто своих желаний. Как ноющая зубная боль преследовал меня стыд перед Ольгой, ну и конечно чувство вины перед Ниной. Разумеется, я был уверен, что Оля ничего не скажет Нине, не столько из-за меня, сколько ради Нины и нашего общего спокойствия. Да что собственно могла она сказать и что, вообще значили эти несколько сказанных в палатке слов. Но совесть мучила меня и портила в целом хорошее настроение.

На факультет повышения квалификации я прибыл с некоторым опозданием. Группа, в которую меня определили, уже два дня посещала занятия. Жить меня поместили в министерской гостинице, которая располагалась на первом этаже общежития МГПИ по улице Космонавтов 13 "А". Занятия проходили в корпусе математического факультета МГПИ, затерявшемся в окружении высотных зданий управления октябрьской железной дороги, по адресу Давидовский переулок 2. На занятия и с занятий ездил чаще всего метро. Но если не надо было спешить, то любил ехать трамваем, который шёл по самому краю старого и, как мне тогда казалось, заброшенного парка. В трамвае всегда было мало народа, шёл он очень мягко, почти бесшумно. С двух сторон его обступали одетые в осенний багрянец деревья. Воздух был свеж и прозрачен. Доехав до конечной остановки «Парк культуры и отдыха», я затем ещё два пролёта ехал метро до Комсомольской площади.

Другие члены нашей группы жили в общежитии по улице Королёва, которое располагалось всего в пятнадцати-двадцати минутах ходьбы от моей гостиницы. Питались в основном, в столовой своего общежития. Изредка стайкой, как студенты после получения стипендии, бегали в расположенное недалеко кафе «Аквариум». Я же завтракал и ужинал в своём номере: чай или кофе, булочка с маслом и сыром или колбасой. Обедал в гостиничном буфете – в основном там кормили сосисками. Примерно раз в неделю, ходил обедать в ресторан при Ярославском вокзале. Днём там бывали свободные столики. Старинный интерьер и сонные официанты располагали к неторопливым мыслям и воспоминани-

ям. Именно там произошёл забавный случай, рассказ о котором так понравился Горсту.

Заняв свободный столик у окна, и сделав заказ, читаю «Известия». Подходит какой-то военный чин, кажется полковник, и не совсем трезвым, но подчёркнуто любезным тоном спрашивает:

- Можно занять место, не возражаете?

- Конечно, располагайтесь, – любезно соглашаюсь я.

Подходит официант, принимает заказ. Присутствие военного, как мне кажется, ускоряет процесс обслуживания. Вскоре на столе появляется набор дежурных блюд, других в это время суток в ресторане не было, а перед военным ещё и довольно объёмистый графинчик водки и пара рюмок. Начинается разговор, уклониться от которого никак не удаётся. Посетовав на трудную жизнь из-за соседей, которые всю ночь пляшут над его головой, наливает две рюмки водки, одну из которых придвигает ко мне.

- Выпьем за знакомство! - произносит дежурную в таких случаях фразу.

Только этого мне не хватало! После минуты растерянности, противным слащавым голосом благодарю за предложение и довольно категорично отказываюсь.

- Спасибо за предложение, но я не пью!

- Как не пьёшь? – переходя на ты, удивлённо спрашивает мой собеседник.

- Совсем не пьёшь?

- Совсем не пью, – вкладывая в свой ответ максимум решительности и категоричности, отвечаю я.

Теперь в замешательстве замолкает полковник. Однако вскоре в его глазах мелькает догадка, и лицо расплывается в улыбке, полной сожаления и участия.

- Ты что, лечился?

Теперь замираю я. Что ответить? Сказать, что я вообще не пью, не пью из принципа, а главное потому, что противно, – этого он не поймет, и будет настаивать на своём предложении. Поэтому выбираю предложенный полковником вариант. Сделав мрачное лицо, подтверждаю:

- Лечился!

- Я так и подумал, – сочувственно говорит полковник. А мне хочется спросить, что в моём облике навело его на такие мысли.

Выдержав значительную паузу, во время которой я успел расправиться с первым, полковник, почему-то глубоко вздохнув и понизив голос, поинтересовался.

- А хочется?

Что теперь отвечать? Откуда мне знать хочется или нет? Если сказать, что хочется, он начнёт приставать. Решил отрицать такое желание.

- Нет, не хочется!

Перегнувшись через стол, и ещё сильнее понизив голос, полковник вопрошает:

- Совсем не хочется?

Решаю, что если начал врать, то буду продолжать в том же духе:

- Совсем не хочется!

После этих слов полковник с недоверием посмотрел мне в глаза, потом, снова вздохнув, откинулся на спинку стула, выпрямился и почему-то прикрыл глаза руками. Наверное, силился понять, как это может быть, когда не хочется выпить.

На начальном этапе мои отношения с членами группы складывались неважно, точнее сказать, не складывались вообще. Держался я обособленно, от обсуждения методических проблем уклонялся, признаться, что занимаюсь не математикой, а методикой, стыдился. Отрываясь от группы, посещал лекции Очана и Райкова по математическому анализу и Гуревича по геометрии. Мешало и то, что большинство курсантов были хоть отчасти знакомы друг с другом по совместным семинарам, конференциям, через третьих лиц. Я же никого из них не знал, даже по фамилиям. Унизительно было признаться, что живу и работаю в провинциальном городке и вузе. В этот первый месяц моего пребывания на ФПК чувствовал себя крайне одиноко. В свободное время все мысли сосредотачивал на Енисейске, наших институтских делах, семье, детях, Нине. Домой звонил не реже трёх раз в неделю. Хотелось чаще, но приходилось экономить. Семья, дети, Нина – в мыслях о них я находил успокоение и смысл жизни в тягостные минуты одиночества.

Взаимоотношение с группой изменилось после того, как с середины октября нам начали читать курс теории алгоритмов и программирования. Насколько я помню, курс читался по книге Брудно «Программирование в содержательных обозначениях». Мне этот курс очень нравился и я с удовольствием выполнял задания не только своего варианта, но и всем, кто ко мне обращался. Постепенно сложилась компания слушателей, в основном женщин, которым я систематически помогал в написании программ.

С тех пор ко мне вернулась былая уверенность. Я придирался к каждой неточной формулировке, ввязывался в затяжные и часто бесплодные споры, особенно на семинарах, которыми руководили Г. Г. Маслова и Р. С. Черкасов. На ФПК я познакомился с Владимиром Георгиевичем Ашкинузе, который был назначен мне в качестве научного консультанта. В корпусе математического факультета он обычно появлялся вечером, когда освобождалась вычислительная машина, кажется «Наири». Время для консультаций, как своим аспирантам, так и мне, назначал после десяти вечера, и мы засиживались иногда до полночи. Его суждения были всегда нестандартны, интересны и полезны. Мои диссертационные идеи он одобрил, но быть научным руководителем отказался, сказав, что его национальность может мне серьёзно повредить.

Мои отношения с группой, особенно с вышеупомянутой компанией, быстро налаживались. Вместе мы ходили в политехнический музей на семинары А. Н. Колмогорова, в МГУ на семинар А. Я. Маргулиса и в институт методов обучения на семинар А. Ф. Четверухина.

По вечерам, правда, редко, ходили в кино, ещё реже, в театр. Один такой выход в театр Советской Армии на пьесу Каверина «Два капитана» запомнился. В тот вечер мне легко писалось, и идти в театр, тем более в театр Советской Армии, не хотелось. Но женщины были настойчивы, и пришлось идти. У них два билета в четвёртом ряду и остальные на галёрке. Моё место, как сказали женщины, бравшие билеты, в четвёртом ряду. Со мною рядом кто-то из нашей компании. Кто именно, не помню, помню только, что женщина. Всё первое отделение она мне что-то рассказывала, а я нервничал, ведь мы мешали соседям. После антракта рядом со мной села другая женщина из нашей компании, всем хотелось посидеть в четвёртом ряду. И снова шепот, и снова неодобрительные взгляды соседей. Я сидел, как на иголках и толком не видел и не слышал, что происходило на сцене. Когда после второго антракта соседнее, оказавшееся транзитным, место заняла третья представительница нашей компании, я запросился на галёрку, но просьбу мою отклонили самым решительным образом. Окружающие нас зрители с интересом наблюдали за происходящими перестановками. С трудом, измученный переживаниями, дождался я окончания пьесы. Страшно хотелось высказать моим спутницам всё, что я о них думаю, но сдержался, не желая портить им настроение. Вечером у них в общежитии пил

чай с пирожками и, смеясь, рассказывал о своих переживаниях в четвёртом ряду.

К концу октября из всей нашей компании выделилась женщина, которая и в кино, и в театре и на занятиях часто оказывалась рядом со мной. Звали её Мария Михайловна. Была она тихой и скромной женщиной лет тридцати пяти, уже несколько лет в разводе и имела двоих детей. По вечерам, когда я ходил на переговорный пункт на Кировском проспекте, она, плохо знавшая Москву, просила взять её с собой, чтобы поговорить со своими детьми. Никаких особых чувств я к ней не испытывал, и поэтому, общаясь с нею, чувствовал себя совершенно свободно. И когда она однажды пригласила меня прогуляться с ней в районе ВДНХ, я не смог ей в этом отказать. В тот зимний вечер мы долго ходили по аллеям, вдоль усыпанных снегом ёлочек. Я читал стихи, а она рассказывала о своей одинокой и пустой, как ей казалось жизни.

Я шёл рядом, внимая её рассказу, и сочувствовал. И хотя в ту пору между нами ничего не было, даже невинного поцелуя, в глубине души я переживал. Переживал не только за своё предательство по отношению к Нине, но и за Марию Михайловну, так как ответить на её чувства не мог.

А в это время в Енисейске истосковавшие по мне дети нюхали висящую в шкафу одежду, которая все эти четыре месяца хранила, как утверждала Нина, мои запахи.

Двадцать первого декабря Мария Михайловна, поздравляя с днем рождения и сильно смущаясь, вручила мне в качестве подарка от членов нашей компании насессор. Подарок был слишком дорогим, и я в его коллективный характер не слишком то поверил. Однако заставить Марию Михайловну взять подарок назад не смог. Уж очень несчастной она выглядела в тот момент. Не поверила в коллективный характер подарка и Нина, когда я по глупости привёз его домой.

В самом конце декабря, уезжая из Москвы, Мария Михайловна взяла с меня слово, что я навещу её дома.

- Без надежды на эту встречу я не смогу жить, – выпалила она и, чмокнув меня в щёку, со слезами на глазах скрылась в вагоне.

Ещё долго стоял я на опустевшем перроне, ругая себя за Нину и Марию Михайловну, в душе которой посеял надежды, которым не суждено было сбыться.